

Глава 35. Я скучал

Се Янь так и не вернулся в книжную лавку. Не прочитав ни единой страницы, он в каком-то лихорадочном порыве примчался обратно в их семейную лавку.

Вбежав внутрь, он не мог вымолвить ни слова — лишь тяжело, с хрипом хватал ртом воздух. Его взгляд, казалось, намертво прикипел к Лу Яну: куда бы тот ни шел, глаза мужа неотступно следовали за ним.

Лу Ян не на шутку встревожился, но, видя, что Се Янь цел и невредим, сначала закончил обслуживать покупателей, давая супругу время прийти в себя. Проводив последнего гостя и заметив, что дыхание Се Яня наконец выровнялось, он налил ему чашку горячего чая и с легкой усмешкой спросил:

— Что стряслось? За тобой собаки гнались?

Вид у того был совершенно потерянный, а на лбу, несмотря на зимнюю стужу, выступили капли пота.

Се Янь лишь качнул головой:

— Нет.

Опасаясь, что мужа продует на сквозняке, Лу Ян взял его за руку и отвел на кухню.

Сегодня в лавке готовили три партии мясных баоцзы, поэтому в печи всё еще теплился огонь. Возле топки было уютно и тепло — самое место, чтобы согреться.

Усадив Се Яня, Лу Ян выставил Ша Чжу присматривать за прилавком, а сам снова повернулся к мужу:

— Может, обидел кто? Управляющий в лавке запретил читать и выставил вон?

Се Янь снова отрицательно мотнул головой.

Лу Ян окончательно растерялся. Если не собаки и не обидчики, то что же? Не молнией же его ударило среди ясного неба.

— Я скучал по тебе, — тихо произнес Се Янь.

Лу Ян едва сдержал улыбку, готовую расплыться на лице.

— И ради этого стоило так бежать? Ты же ушел всего четверть часа назад. Неужели так быстро соскучился? Ну и прилипала.

Се Янь не стал рассказывать, что встретил на дороге Лу Лю — настоящего Лу Лю.

Он не отводил взгляда, в котором читалась странная решимость:

— Я буду очень стараться... учиться варить суп.

Лу Ян рассмеялся:

— И даже если так, разве это повод бросать дела?

Се Янь вдруг разволновался. Он резко поднялся и шагнул к Лу Яну.

Тот прислонился к кухонному столу и оказался чуть ниже мужа. Се Янь наклонился, заглядывая ему прямо в глаза, и с предельной серьезностью произнес:

— А что тебе нравится? Скажи, и я всему научусь.

Он смотрел на Лу Яна с такой неистовой сосредоточенностью, будто во всем мире для него больше ничего не существовало. В его лице не было ни тени привычного спокойствия, и Лу Ян кожей почувствовал исходящую от него тревогу.

Когда-то он сам так же, с надеждой и мольбой, смотрел на родителей, боясь, что его бросят.

Теперь он вырос, оставил детскую слабость в прошлом и сам стал опорой для других. Лишь столкнувшись с таким взглядом, он понял, насколько тяжелым может быть груз чужой привязанности.

Но эта тяжесть не пугала — она дарила сердцу покой. Лу Ян не боялся ответственности, он боялся лишь стать ненужным.

Он сжал ладонь Се Яня и нарочито легкомысленно спросил:

— Прямо-таки всему научишься? И во всем будешь слушаться?

Се Янь кивнул.

— Тогда почему ты ушел из книжной лавки?

Лу Ян ожидал оправданий или путаных объяснений, но ответ Се Яня был обезоруживающе прямым:

— Я соскучился.

Пораженный этим признанием, Лу Ян лишь рассмеялся. Он хотел что-то сказать, но слова вдруг застряли в горле, и ему оставалось только счастливо улыбаться.

Се Янь накрыл ладонью его живот — там, где у Лу Яна часто ныл желудок.

Этот чудак, видимо, решил, что муж смеется до колик, и принялся со всей серьезностью «греть» его, безмолвно призывая смеяться в свое удовольствие.

От такой трогательной заботы Лу Ян и впрямь не выдержал.

Странное дело: когда человек смеется от души, в глазах порой начинает щипать, а к горлу подступают слезы.

Лу Ян выпрямился и, подавшись вперед, слегка прикусил губу Се Яня.

— Маленький господин чжуаньюань, не вздумай соблазнять меня среди бела дня. Потерпи до дома.

Почуяв, что голос звучит слишком мягко, он добавил с напускной суровостью:

— Смотри у меня, завтра с кровати встать не сможешь.

Се Янь и не думал спорить. В этой фразе он услышал лишь заветное слово «домой». Радуюсь, что Лу Ян всё еще готов возвращаться с ним под одну крышу, он согласно кивнул, и глаза его радостно блеснули.

В тот день он так и не ушел в книжную лавку. Остался помогать: подавал баоцзы, маньтоу и хуацзюани. Стоило покупателям разойтись, как его взгляд — да что там взгляд, вся душа! — устремлялся вслед за Лу Яном.

Когда Лу Ян выходил на улицу зазывать прохожих, Се Янь тенью следовал за ним, не отходя ни на шаг. Лу Яна это ничуть не раздражало. Напротив, он сиял от счастья, едва ли не до ушей расплываясь в улыбке.

Пусть он не понимал, что нашло на Се Яня, но одно знал твердо: мужчина, который так тебя любит — золото, а не мужчина.

А с хорошим мужем и на душе всегда праздник. Хе-хе.

Им нужно было возвращаться в деревню, поэтому лавку закрыли еще в сумерках.

Прибираясь, Лу Ян заметил купленную чарку вина. Решив не оставлять его на завтра, они выпили по половине прямо перед уходом.

Вино приятно согревало. Стоило ему обжечь горло, как по телу разлилось благодатное тепло.

Лу Ян хлопнул себя по лбу:

— Совсем из головы вылетело! Надо было дать тебе выпить еще утром, как только ты прибежал.

Се Янь не отличался крепким здоровьем, и хмель быстро ударил ему в голову. Он, пошатываясь, привалился к плечу своего фулана.

Глядя на его хмельной вид, Лу Ян снова не сдержал смешка:

— Ну и ладно, что забыл. А то свалился бы прямо в лавке, и что бы я с тобой делал?

По дороге домой Лу Ян делился планами:

— С тех пор как мы добавили пароварок, баоцзы и маньтоу стали оставаться. Так дело не пойдет. Вчерашняя выпечка уже не та на вкус. Завтра позовем брата Линя в лавку. Он парень бойкий, на язык острый. Поначалу, может, и постесняется, но я его подучу пару дней, а сам возьму корзину и пойду торговать в другие места.

Се Янь тут же вызвался помочь, желая облегчить ношу супруга:

— Давай лучше я пойду? Всё равно без дела сижу. А брату Линю еще и жалованье платить придется.

Лу Ян ласково похлопал его по широкой ладони:

— Совсем забыл? Тебе же нужно писать парные надписи и иероглифы «счастье». Как закончишь, я заберу их и пойду разносить вместе с баоцзы.

Се Янь на мгновение замер, переваривая услышанное, а потом снова уронил голову на плечо мужа.

Что же это за вино такое? Крепкое, видать, раз он даже сидеть прямо не может.

Остаток пути ехали молча. Дома их первым делом ждал ужин.

Спустя пару дней после начала закупок Лу Ян придумал, как всё упростить. Теперь овощи свозили к доверенному человеку, там их взвешивали и сразу записывали вес и цену. Когда товар доставляли в лавку, Лу Ян перепроверял всё еще раз и тут же выдавал деньги.

Вес всегда был неточным, и у каждой семьи оставались мелкие излишки. Лу Ян оплачивал и их, но эти деньги не шли в общий учет — они становились приятным «кушем» для того, кто собирал овощи.

Благодаря этой хитрости им больше не нужно было по возвращении домой до полуночи сводить счета — можно было спокойно поужинать.

В семье теперь всё было четко распределено. Чжао Пэй-лань, хоть и была свекровью, не кичилась своим положением. К возвращению молодых всегда была готова горячая вода и сытный ужин — она заботилась о них как могла.

Только после еды принимались за деньги.

Се Янь в подсчетах не участвовал — он всё так же, не отрываясь, смотрел на Лу Яна.

В его взгляде полыхал такой огонь, что Лу Ян, казалось, вот-вот вспыхнет сам.

От этого жара у Лу Яна даже медные монеты в руках, казалось, высекали искры. Не выдержав, он отправил Се Яня за гроссбухом — записывать расходы и доходы, а сам сложил нанизанные медяки в бамбуковую корзинку. На сегодня дела были закончены, пора и честь знать.

Днем Лу Ян был полон энергии, но ночью инициативу перехватил Се Янь.

Когда с «куриным супом» было покончено, Лу Ян в изнеможении растянулся на постели. Однако Се Янь, вопреки обыкновению, не лег рядом. Он вдруг перевернулся и сел верхом на бедра мужа, пристально глядя ему в лицо.

В его глазах плясали лукавые, почти дерзкие искорки, отчего Лу Ян даже оторопел на мгновение.

Не успел он опомниться, как Се Янь склонился ниже, слизывая капли сока, оставшиеся на коже.

Лу Ян вздрогнул всем телом.

Хоть он и называл это «пить куриный суп», сам он до такого еще не доходил.

Он попытался расслабиться, но тело от макушки до пят было натянуто как струна. Се Янь пробовал снова и снова, но Лу Ян лишь сильнее цепенел, не зная, как подступить к этой новой ласке.

Глядя на его замешательство, Лу Ян не выдержал и рассмеялся, решив поддразнить мужа:

— И ты еще говорил, что не умеешь варить суп?

Се Янь ответил с пугающей прямоотой:

— Варить не умею. Но пить — научусь.

От этих слов у Лу Яна сладко заныло в груди. Он смотрел на мужа, и с каждой секундой сердце его билось всё чаще.

Он приподнял ноги, обхватывая Се Яня за талию:

— Силы-то еще остались?

Се Янь ответил делом, прошептав:

— Готов приложить все свои скромные усилия.

И этим заставил Лу Яна смеяться до самой полночи.

Лу Лю на время выкинул из головы встречу с Се Янем. Доев лепешки вместе с супругом Яо, он отправился за покупками.

Яо Аню нужно было купить уйму вещей: что-то на рынке, что-то в лавках на главной улице.

Мясо было в списке первым. Птицу они не держали, рыба еще оставалась, так что он отправил Да Цяна за свиной и целой курицей.

Сам же Яо Ань присматривал красные финики и тростниковый сахар — говорил, что это полезно для здоровья.

— Мы женаты уже почти два года, а я всё никак не забеременею. С обеих сторон уже торопят, — делился он заботами.

Лу Лю, поправляя рукавицы, вспомнил, что перед свадьбой отец тоже наказывал ему купить домой фиников и сахара.

Сахар дома еще был, так что он решил взять немного фиников — на пробу, а как закончатся, прийти еще раз.

Насчет курицы Лу Лю сомневался. Ли Фэн накупил столько мяса, да и рыба еще не перевелась, так что он решил обойтись без птицы.

Зато набрал приправ. Яо Ань объяснил, что их деревня далеко от города, это не пригородные села — порой по два месяца в уезд не выберешься. Зимой холода, весной пахота, а там и страда начнется. Такие вещи лучше брать впрок.

Лу Лю послушно последовал совету. Ли Фэну нравилась еда посытнее да повкуснее, так что он взял побольше соевой пасты.

С едой закончили, перешли к питью.

Тут выбор был невелик: чай да вино.

Крестьяне пили самый дешевый чай — в нем было полно трухи, зато за десять вэней давали огромный сверток. Гостей таким поить — самое то, хоть залейся.

Вино взяли в кувшине. Выбрали местное, по двадцать вэней за малый кувшин в два цзиня. Вино было мутным, обжигало горло и не отличалось изысканным вкусом, зато было крепким — как раз во вкусе деревенских мужиков.

Лу Лю купил его специально для Ли Фэна.

Затем настала очередь одежды. Богачи к Новому году всегда шьют обновы.

Лу Лю же обновку видел раз в несколько лет. В этом году у него и так было несколько ватных

халатов, у Ли Фэна тоже, так что ткани он брать не стал.

Яо Ань же долго выбирал отрезы, прикладывал их к себе и спрашивал совета, какой цвет лучше.

Лу Лю, который с детства ходил в сером да невзрачном, тянулся к яркому.

Яо Аню яркое тоже нравилось, но покупал он его редко.

Яркая ткань — дорогая ткань. Да и живет он в деревне, дел невпроворот — перед кем там хвостом мести?

Лу Лю, не задумываясь, ответил:

— Перед Да Цяном, конечно! Ты же его фулан. Будешь красивым — ему понравится.

Яо Ань поджал губы, сдерживая улыбку:

— Ох, супруг Лу, мы же за покупками пришли, что ты всё о нем да о нем?

Лу Лю лишь недоуменно моргнул. Он ведь просто к слову сказал.

Яо Ань, колеблясь, добавил:

— Мне же еще в люди выходить. Что в деревне скажут, если я в красном да зеленом расфуфырюсь?

По опыту Лу Лю, деревенские только и будут, что глаза на него пялить да нахваливать, какой он нарядный. Так он и сказал.

Яо Ань так и расцвел:

— Ладно, гулять так гулять! Возьму зеленый. К Новому году многие свадьбы играют, я-то не невеста, в красном негоже.

Лу Лю во всем с ним соглашался. В их серых краях любой цветной лоскут будет в радость.

Заметив, что в лавке продают обрезки ткани, он набрал и их.

Прибираясь в доме, он заметил, что одежда Ли Фэна совсем поизносилась. Тот постоянно пропадал в лесу: то зацепится за ветку, то об колючки порвет.

Лу Лю решил подлатать его вещи, а из остатков сшить стельки.

Ли Фэн был мужчиной горячим, потел сильно, и ноги у него всегда были влажными. Стельки нужно менять часто, иначе в обуви будет сыро, холодно и дурно пахнуть.

Закончив с одеждой, перешли к мелочам.

Яо Ань покупал мазь от обморожения и крем для рук, Лу Лю взял то же самое.

Кремом можно и лицо мазать — умоешься утром, и никакой ветер не страшен. А мазь от обморожения в хозяйстве всегда пригодится.

Яо Ань присматривался к румянам, но Лу Лю брать их не стал.

В день свадьбы его накрасили, и он до сих пор помнил, каким уродом и чужаком себе казался.

Яо Ань уговаривал его, мол, пока кожа молодая, надо прихорашиваться.

— Мужчинам это нравится.

Лу Лю всерьез задумался, но так и не вспомнил, чтобы Ли Фэн хоть раз просил его накраситься.

— Да Фэну это не нравится, — покачал он формой.

Яо Ань только и смог, что глаза закатить:

— Да Фэн, Да Фэн, Да Фэн! Выбрались на ярмарку, а у тебя только он на уме. Жужжишь как пчела! Посмотри на меня — я Да Цяну вообще ничего не покупаю!

В корзине у Лу Лю тяжело погромыхивал кувшин с вином. Яо Ань тоже такой купил.

— Ты же купил ему вина, — заметил Лу Лю.

Яо Ань поперхнулся и поспешно выпалил:

— Это я себе купил!

Лу Лю лишь мягко улыбнулся. От этой улыбки у Яо Аня вся злость прошла. Купив румяна, он потащил Лу Лю за семечками и арахисом.

Лу Лю взял по цзиню того и другого. Яо Ань обозвал его скрягой, на что Лу Лю спросил:

— А у Да Фэна часто бывают гости?

— Раньше он бобылем жил, кто к нему пойдет? А теперь у него ты есть! На Новый год точно будет людно, бери больше, не прогадаешь.

Лу Лю сомневался, что у них будет шумно — он ведь так и не завел друзей. Да еще и с супругом Чэнь сегодня повздорил.

Поразмыслив, он добавил еще по пол-цзиня.

Яо Ань, глядя на это, спросил:

— Да Фэн что, денег тебе не дал?

Лу Лю расплылся в улыбке:

— Дал! И матушка дала. Всего триста вэней вышло.

Яо Ань даже приуныл от зависти. Лу Лю набрал столько всего, и у него еще остались деньги. Неудивительно, что он так легко выложил десять вэней за лепешку.

А лепешка-то и впрямь была знатная.

На обратном пути они зашли к городским воротам искать Да Цяна.

Проходя мимо лотка с лепешками, Лу Лю снова полез за кошельком.

Раз Ли Фэн так их расхваливал, значит, они ему очень нравятся. Раз уж он в городе, надо привезти гостинец мужу.

А еще надо задобрить свекровь... Может, и ей купить?

Посчитав оставшиеся деньги, он, скрепя сердце, взял две лепешки. Просить поливать их соусом не стал — просто завернул горячими в подол ватной куртки. Глядишь, до деревни еще не остынут.

Народу на обратный путь набралось много, пришлось тесниться. Кроме Да Цяна, в город выехали еще несколько мужиков на телегах, и в каждую набилось по несколько человек.

После закупок места на телегах почти не осталось.

Впереди поставили две большие корзины, сверху водрузили два короба. Еще два пристроили в середине и накрепко обвязали веревками. Люди сидели вокруг, свесив ноги — те быстро затекали.

Когда ноги немели совсем, слезали и шли пешком, давая отдых мулу — тащить на себе несколько сотен цзиней груза и людей было нелегко.

В деревню добрались уже в глубоких сумерках.

Телега первой въехала в Новую деревню. Лу Лю во все глаза смотрел по сторонам и вскоре увидел Ли Фэна — тот стоял у дома и о чем-то толковал с соседом.

— Да Фэн! — во весь голос крикнул Лу Лю.

Яо Ань и его невестка переглянулись и приснули со смеху:

— Гляньте-ка, гляньте! Вот он, молодой супруг — какая страсть!

Лу Лю густо покраснел и втянул голову в плечи. Лишь Супруг Мяо сидел в углу телеги, храня угрюмое молчание.

Ли Фэн, услышав голос, обернулся и, завидев Лу Лю, зашагал к дороге.

Да Цян и не думал останавливаться.

— Забирай своего фулана, а то утащу его на край света! — хохотнул он.

Мул устал, и телега тащилась неспешно. Ли Фэн в два счета догнал ее и, подхватив Лу Лю под мышки, просто снял его с повозки.

Яо Ань и невестка Яо снова зашлись в смехе:

— Ну и торопыги! И дня друг без друга не выдержали!

Лу Лю не смел оглянуться. В руках Ли Фэна его лицо пылало еще жарче.

Ли Фэн поставил его на землю и коснулся ладонью щеки:

— На тебе хоть яичницу жарь.

Лу Лю тоже потрогал лицо и глупо хихикнул.

В Новой деревне дома стояли тесно. Вдоль главной дороги тянулись ряды построек, и если бы не дворы перед каждым домом, они бы и вовсе лепились друг к другу.

Дом семьи Ли был построен всего несколько лет назад и выглядел совсем новым. Он стоял во втором ряду от дороги, и сквозь прогалы между домами можно было видеть перекресток.

Именно оттуда Лу Лю и заметил мужа.

Над крышами вились сизые дымки — хозяйки готовили ужин.

Те, кто был во дворах, не упускали случая поддеть Ли Фэна:

— Да Фэн, сокровище твое вернулось?

Лу Лю слушал это с замиранием сердца. Смущение куда-то улетучилось, и он с любопытством оглядывался по сторонам.

Он был белокож, глаза его сияли, а на щеках играл яркий румянец — загляденье, да и только. Кто-то снова похвалил Ли Фэна за то, что взял такую красавицу, и Лу Лю не мог перестать улыбаться.

Он зашептал Ли Фэну:

— Да Фэн, я ел ту лепешку, про которую ты говорил. Она такая большая и вкусная! Я всю не осилил, половину отдал супругу Яо.

Ли Фэн, видя, как доволен муж, решил, что деньги потрачены не зря. А что поделился с другом — так это дело житейское. Он и сам, когда уходил с мужиками, всегда делился едой.

У Лу Лю за пазухой всё еще лежали две лепешки. Когда покупал, не думал, а теперь, подходя к дому свекрови, запоздало испугался. Две лепешки — это двадцать вэней, на них можно больше цзиня мяса купить. Вот же расточитель!

У самых дверей Лу Лю замер и виновато прошептал:

— Я сегодня лишнего потратил.

Ли Фэн спросил, что он купил.

Лу Лю честно признался: три лепешки. Одну съел в городе, две привез. Одну — Ли Фэну, другую — матушке.

Разве это расточительство?

Лу Лю вздохнул:

— Больше покупать не стал, а то надо бы и Шунь-гээр угостить.

Про Эр Тяня и его жену он даже не вспомнил.

Ли Фэн не считал это пустой тратой, но при матери говорить не решился.

— Где лепешки? — спросил он.

Лу Лю похлопал себя по груди:

— Здесь, за пазухой.

Лепешки были еще горячими, и Ли Фэн нахмурился:

— Зачем же за пазуху? Не обожгло? А ну, доставай скорее.

Лу Лю в этом году впервые обзавелся теплой одеждой и кутался вовсю: на нем была толстая ватная куртка, а под ней еще и стеганая безрукавка, так что жара он не чувствовал.

Он вытащил гостинцы. Ли Фэн один спрятал к себе за пазуху, а Лу Лю наказал:

— Как увидишь мать, скажи, что купил только одну лепешку. Понял?

Лу Лю закивал:

— Понял-понял!

Они вошли в дом. Ли Фэн протянул лепешку Чэнь Гуй-чжи:

— Мне эта лепешка очень понравилась, а вы в городе бываете редко, всё экономите. Вот я и наказал ему купить. Он парень старательный, за пазухой вез, до сих пор теплая.

Чэнь Гуй-чжи даже не знала, что и сказать.

Сын с порога начал нахваливать мужа — видать, боится, что она чем-то будет недовольна. Да разве она хоть слово против сказала?

Она взяла лепешку и предложила им остаться на ужин, но Ли Фэн отказался.

— Пойдем мы. Вещи еще на телеге у Да Цяна, надо забрать да разобрать.

Чэнь Гуй-чжи посмотрела на Лу Лю и спросила, что он сегодня купил.

Тот принялся перечислять. И выходило так, что почти всё купленное было для Ли Фэна: то Да Фэну, это Да Фэну... У Чэнь Гуй-чжи даже голова пошла кругом.

Она прервала его:

— А себе-то что взял? Неужто тебе ничего не нужно?

Лу Лю, живя с Ли Фэном, ни в чем нужды не знал. Он растерянно покачал головой:

— Матушка, я что-то забыл купить?

Чэнь Гуй-чжи лишь вздохнула:

«Видать, ты голову дома забыл».

Она махнула рукой, отпуская их восвояси.

Сумерки быстро сгущались. Пока они перекинулись парой слов, на деревню опустилась ночь.

Они снова сели на телегу. Ли Эр-хуан бежал впереди, указывая путь, а мул трусил следом. На ухабах Лу Лю то и дело прижимало к Ли Фэну, и они сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Рядом с мужем Лу Лю чувствовал себя в полной безопасности. Это спокойное счастье пьянило его.

Раньше он не задумывался о последствиях. Они с братом были на одно лицо — какая разница? Ли Фэну нужна была жена, и он стал ею.

Но сегодня, увидев, как Се Янь дорожит его братом, он вдруг понял: Ли Фэн мог и не хотеть такой подмены.

Все люди разные. Он не такой умный, как брат. Когда Супруг Чэнь начал над ним насмехаться, он даже ответить толком не смог.

Ему так хотелось, чтобы Ли Фэн любил его. Чтобы дорожил им так же, как Се Янь дорожит Лу Яном. Чтобы, даже узнав правду, Ли Фэн всё равно выбрал его и захотел прожить с ним всю жизнь.

От этих мыслей ему стало горько, и на глаза навернулись слезы.

Лу Лю вытер их, но голос всё равно предательски дрогнул.

— Да Фэн, матушка ведь считает меня глупым, да?

А ты? Ты тоже считаешь меня глупым?

Ли Фэн не ожидал, что он заплачет. Он покосился на мужа: в ночной тишине слезы Лу Лю поблескивали в лунном свете, как крохотные жемчужины.

Он отпустил поводья и свободной рукой вытер слезы с его лица.

— Не бери в голову. Мать дала тебе денег, чтобы ты купил себе что-нибудь нужное. А раз ты ничего не выбрал, она просто удивилась, а не сердилась.

Его ладонь была грубой и мозолистой, и каждое прикосновение вызывало у Лу Лю легкую дрожь, но он и не думал отстраняться.

Видя, как тот расстроился, Ли Фэн не решился признаться, что уже давно знает о подмене. Он

лишь негромко позвал его по имени:

— Сяо Лю, не бойся. Раз я решил жить с тобой, то и мать научу тебя любить. Она женщина не злая, так что не плачь.

Ли Фэн не умел говорить красиво, и каждое его слово весило больше, чем порыв ветра.

— Мне больно на это смотреть, — добавил он.

Лу Лю улыбнулся сквозь слезы, и глаза его снова засияли.

— Хорошо. Я больше не буду.

<http://bllate.org/book/16991/1588652>